

Очнувшись от минутного оцепенения, юноша почувствовал, как к лицу прилила краска смущения. Надо же было так откровенно засмотреться на незнакомого мужчину! Мысленно выругав себя за неловкость, Люцзин поспешно сделал шаг вперед и почтительно поклонился:

— Уважаемый господин...

Люцзин бежал сюда со всех ног, так что шаги его разносились гулким эхом. Не заметить его приближения было попросту невозможно, однако незнакомец шёл прежним размеренным шагом, всем своим видом демонстрируя абсолютное равнодушие. Он явно не собирался снисходить до ответа.

Мужчина удалялся неторопливой, плавной походкой. Он хранил молчание, но мужчина, стоявший у ворот, неожиданно подал голос:

— Хухэ, подай еще один прибор.

Люцзин не заметил скрытого в глазах хозяина усадьбы глубокого, многозначительного чувства и не понимал всей важности этих простых, казалось бы, слов. Но его до глубины души поразило имя, сорвавшееся с губ незнакомца. Хухэ! Он ни разу не видел этого юношу лицом к лицу, но Цзюцин упоминал его без конца.

Цзюцин уверял, что Хухэ невероятно хорош собой — и действительно, его красота казалась неземной. Он также твердил, что у того прескверный нрав, и теперь Люцзин начинал понимать почему. Но главное было в другом: если этот юноша прислуживал здесь, значит, господин, шедший впереди — сам Яньгу, верховный правитель Фэнду, чьё имя в Подземном царстве произносили с благоговейным трепетом.

Люцзин замер, поражённый внезапным осознанием своей невероятной удачи.

Он поспешил следом. Остановившись у подножия каменной лестницы, он поднял голову и встретился с холодным, испытующим взглядом Яньгу, который смотрел на него сверху вниз. Невзирая на давящую ауру величия, Люцзин почтительно сложил ладони перед грудью:

— Осмелюсь спросить... вы ведь господин Яньгу?

Яньгу не знал, радоваться ему или скорбеть, но его лицо осталось бесстрастным. Человек, которого он ждал долгие шестьдесят лет, наконец переродился и при первой же встрече назвал его по имени — но увы, лишь для того, чтобы задать этот робкий вопрос.

Вместо ответа Яньгу лишь слегка развернулся вполоборота:

— Не желаешь ли разделить со мной трапезу?

Солнечный свет скользил по лакированной вывеске над воротами. Люцзин только сейчас понял, как долго он шёл и насколько сильно устал.

При первой встрече напрашиваться в гости было верхом неприличия, однако мысль о том, что этот могущественный бессмертный сможет пролить свет на его прошлое, перевесила все сомнения. Поколебавшись мгновение, Люцзин согласно кивнул.

Он снова низко поклонился:

— Премного благодарен за вашу щедрость, господин. Извините за беспокойство.

Поднявшись по каменным ступеням, Люцзин вежливо наклонил голову, проходя мимо хозяина дома. Тот окинул его спокойным, нечитаемым взглядом и, не проронив ни слова, развернулся и увлёк его за собой внутрь терема.

Каков уклад жизни в мире живых, Люцзин уже не помнил. Цзюцин уверял его, что Подземное царство мало чем отличается от земного, но, переступив порог Терема Лунного Сияния, юноша застыл в изумлении.

За воротами открывался совершенно иной мир. Насыщенный багрянец, царивший снаружи, проник и под эти своды, но здесь он лишился своей зловещей, колдовской силы, уступив место благородному изяществу. Стоило спуститься по каменным ступеням, как перед глазами раскинулся широкий пруд, усыпанный цветущими алыми лотосами. В усадьбе царил полный штиль, но ветви диковинных деревьев колыхались сами по себе, словно ведя безмолвный танец.

Легкие порывы ветра приносили тонкий, дурманищий аромат. Пруд кольцом окружали белоснежные деревья, усыпанные махровыми цветами с алыми чашелистиками. Их благоухание ласкало чувства, заставляя забыть обо всем на свете.

Люцзин вдохнул этот сладковатый воздух. Медленно кружась, лепестки падали на гладь воды, увлекая за собой его мысли. Внутри шевельнулось смутное воспоминание.

"Кажется... я уже видел эти цветы раньше"

Но ухватиться за эту ускользающую мысль не удалось. Заметив, что гость засмотрелся на алые лотосы, Яньгу остановился. Его взгляд на краткий миг потеплел.

— Эти цветы не увядают уже очень давно, — негромко произнес он.

Его голос звучал удивительно мягко — чистый и мелодичный, словно перезвон нефритовых подвесок. Люцзину безумно хотелось спросить, не он ли стоял тогда посреди бесконечного поля багряных цветов, но он вовремя прикусил язык, побоявшись показаться излишне дерзким.

— Разве в Подземном царстве цветы не вянут? — любопытствовал юноша.

Яньгу лишь загадочно прищурился, оставив вопрос без ответа, и повернул направо, увлекая гостя по дорожке вдоль пруда.

— Ты здесь впервые. Наша столовая находится в глубине усадьбы, на заднем дворе.

Люцзину на мгновение показалось — быть может, это была лишь иллюзия, — что плечи хозяина дома на секунду напряглись, словно от едва сдерживаемого волнения.

Они шли плечом к плечу под сенью цветущих деревьев, где воздух был напоен густым ароматом. Изумрудная листва контрастировала с нежными белыми лепестками, но фигура идущего впереди мужчины мгновенно затмевала всю эту природную красоту.

Алое одеяние, струящееся подобно шелку, безупречные, точеные черты лица, алебастровая кожа и величие в каждом движении... В его облике сквозила природная, пленительная грация, лишенная малейшей пошлости. Теперь Люцзин до конца осознал смысл восторженных слов Цзюцина. Яньгу и впрямь заслуживал звания прекраснейшего из владык преисподней.

Миновав пруд, они вышли к крытой галерее, которая вела в тихий задний дворик. Пейзаж здесь был куда более сдержанным, но по-своему очаровательным. Белоснежные деревья тянулись ровными, аккуратными рядами, наполняя пространство покоем.

"Надо же, как в Тереме Лунного Сияния любят именно эти цветы"

Это показалось Люцзину забавной прихотью хозяина.

Однако Подземное царство продолжало удивлять его своими причудами. Если у Цзюцина обеденный стол стоял в доме, то здесь его накрыли прямо под открытым небом, в тени раскидистой кроны исполинского дерева.

Под густой зеленой листвой стоял круглый каменный стол в окружении четырех резных табуретов. На нем теснились тарелки с изысканными яствами, а рядом высились изящный кувшин и нефритовый кубок. Две пары палочек для еды лежали друг напротив друга.

Яньгу неторопливо подошел к столу, опустился на табурет со стороны кубка и потянулся к кувшину.

— Присаживайся, — негромко предложил он.

Такое радушие смутило Люцзина. Он нерешительно переступил с ноги на ногу:

— Но... удобно ли это?

Тонкие, изящные пальцы хозяина дома обхватили горлышко кувшина. Он поднял глаза на гостя, и в его голосе не прозвучало ни капли досады или упрека:

— Сначала раздели со мной трапезу. А после я отвечу на все твои вопросы.

Услышав такое обещание, отказываться было бы верхом глупости. Глаза Люцзина радостно блеснули. Он тут же позабыл о неловкости, уселся напротив хозяина и уставился на него с нескрываемым предвкушением.

Яньгу безмятежно переносил этот пристальный взгляд, не отвлекаясь от своего дела. Тонкая струйка прозрачной, чистой жидкости потекла из кувшина в нефритовый кубок, и воздух мгновенно наполнился тонким, пьянящим ароматом. Люцзин сразу узнал его — этот запах исходил от цветущих в саду белых деревьев.

Юноша завороченно уставился на кубок. Заметив его интерес, Яньгу поставил кувшин на стол и спокойно произнес:

— Это вино настояно на лепестках туми. Оно слишком крепкое для тебя, так что пробовать его не стоит.

Он не стал категорически запрещать или приказывать, а лишь мягко предостерег. С первой минуты этот таинственный господин казался куда более приветливым и чутким, чем нелюдимый Хухэ, о котором рассказывал Цзюцин.

"Понимает душу простого призрака без лишних слов. Не зря он носит титул Янь-вана!"

Впрочем, Люцзин пришел сюда вовсе не ради выпивки. Раз хозяин считает, что вино подействует на него слишком сильно, спорить он не станет.

Изначально он надеялся разыскать двух господ Непостоянства, чтобы расспросить их о своем прошлом. Но встретить самого правителя преисподней оказалось куда большей удачей. Кому, как не верховному владыке Подземного царства, знать ответы на все тайны загробного мира?

Люцзин уже открыл было рот, собираясь начать расспросы, но его прервал шорох шагов. Повернув голову на звук, он увидел приближающегося юношу. Струящиеся одежды подчеркивали его высокую, стройную фигуру, а безупречно красивое лицо оставалось холодным, как лед. Это был Хухэ.

Юноша нес изящное фарфоровое блюдо. Двигался он плавно и размеренно, но от всей его фигуры веяло таким леденящим холодом, что невольно хотелось отступить.

Цзюцин не врал: у этого красавца действительно был скверный характер. На его лице читалось столь явное пренебрежение ко всему существу, что любые попытки заговорить с ним казались заранее обреченными на провал.

Хухэ с абсолютно бесстрастным видом водрузил блюдо на стол. Люцзин опустил взгляд — на фарфоре высилась гора дымящегося белоснежного риса.

Люцзин поспешно приподнялся, собираясь вежливо поблагодарить слугу за заботу, но не успел он и рта открыть, как Хухэ резко развернулся и зашагал прочь, оставив все неизреченные слова благодарности застыть на губах гостя.

Яньгу то ли давно привык к подобным выходкам своего слуги, то ли просто не обратил внимания. Он молча разложил рис по двум пиалам.

— В будущем у тебя еще появится возможность насмотреться на него. А пока — ешь.

"Эх, господин Яньгу... Если бы вы только знали, почему я так на него вылутился, вряд ли вы говорили бы столь непринужденно"

Этот помысел остался лишь в мыслях Люцзина, озвучить его он не посмел.

Блюда из пищи живых на столе выглядели невероятно аппетитно: несколько мясных деликатесов, нежнейшие тушеные овощи и легкая закуска к вину, расставленная ближе к хозяину дома.

Раз уж он сидел лицом к лицу с самим правителем, ответы никуда от него не делись бы. К тому же после долгой прогулки Люцзин изрядно проголодался. Позабыв о светских приличиях, он схватил палочки и принялся с аппетитом уплетать угощение.

На фоне проголодавшегося гостя Яньгу выглядел воплощением аристократического изящества. Он подносил к губам крошечные порции риса, тщательно и неторопливо пережевывал пищу и бесшумно сглатывал. Рядом с такой утонченной грацией Люцзин невольно почувствовал себя неотесанным деревенщиной, пожирающим еду под пристальным взглядом господина.

Когда Яньгу вновь наполнил кубок и медленно пригубил ароматное вино, Люцзин сконфуженно замер. Он аккуратно стряхнул лишний рис с палочек обратно в пиалу и попытался подражать манерам хозяина, поднося еду к губам подчеркнуто неторопливо. Выходило это у него на редкость неуклюже и натянuto.

Обед превратился в настоящее испытание. Сам Яньгу съел лишь несколько ложек, после чего переключился на вино, лишь изредка бросая на гостя глубокие, нечитаемые взгляды, от которых у Люцзина мурашки бежали по спине.

Опустошив наконец пиалу, Люцзин отложил палочки, не в силах больше терпеть это томительное молчание.

— Господин Яньгу, я пришел сюда в надежде получить ответы на некоторые вопросы. Позвольте ли мне спросить?

Хозяин дома плавно опустил кубок на каменную столешницу. В его глазах не отразилось никаких эмоций.

— Спрашивай.

Такая покладистость внезапно сбила Люцзина с толку. С чего начать? Как выразить то, что терзало его душу? Он хотел знать все: свое имя, происхождение, причину безвременной кончины и то, почему очнулся посреди бескрайнего багряного поля.

Юноша шумно сглотнул, пытаясь унять волнение в пересохшем горле, и нерешительно заговорил:

— Господин Яньгу... Память полностью оставила меня. Я не знаю своего прошлого, не помню, кем был при жизни. Очнулся я посреди бескрайнего моря багряных цветов и с тех пор блуждаю в неведении. Умоляю, скажите... кто я?

Взгляд Яньгу вновь устремился на него. Эти чистые, прозрачные глаза словно видели юношу насквозь, уходя мыслями далеко в прошлое. Всего три дня назад на этом самом месте двое призрачных посланников задавали ему почти те же вопросы.

Тогда сад выглядел точно так же, но гости были совсем иными. Пред ним предстали Черное и Белое Непостоянство. Они застыли по обе стороны от стола, почтительно склонив головы. Сам же Яньгу в тот день пил не хмельное вино, а терпкий чай.

Тогда Белое Непостоянство, Се Биань, нерешительно заговорил:

— Владыка, Цзюцин, что торгует мясной похлебкой у реки Забвения, доложил, что встретил странного призрака. У того нет при себе подорожной, да и памяти он лишился начисто... — Се Биань осекся. Вовсе не из-за врожденного косноязычия, а заметив, как помрачнело и без того бесстрастное лицо правителя. Собравшись с духом, он едва слышно закончил: — Владыка... неужели это тот самый человек, которого вы ждали все эти годы?

Се Биань не посмел договорить, но Яньгу без лишних слов понял, к чему клонит слуга. Он медленно поднял глаза и окинул братьев-небожителей холодным взглядом:

— Вам двоим не стоит вмешиваться. Пусть остается у Цзюцина.

Именно поэтому, сколько бы дней ни прошло, Цзюцин неизменно получал от Черного и Белого Непостоянства один и тот же сухой ответ о неотложных делах.

Услышав это, Черное Непостоянство, Фань Уцзю, потрясенно выдохнул:

— Значит, это действительно он?

Яньгу не удостоил его кивком. Опустив взгляд к пиале, он смотрел на спокойную гладь чая, в которой отражалась изумрудная листва раскинувшегося над ними дерева.

— Его зовут Люцзин, — тихо уронил он.

Люцзин...

Так вот как его зовут!

— Владыка, если вам ведомо моё имя, то вы наверняка знаете, как я погиб? И почему очутился в этих краях? — засыпал его вопросами взволнованный юноша. Его сердце забилось чаще, а дыхание перехватило от надежды.

Яньгу долго, не мигая, всматривался в его взволнованное лицо. Поглощенный эмоциями, Люцзин не заметил, какая сложная гамма чувств промелькнула во взоре правителя.

"Разве это произошло без причины? Разве не мы сами соткали эту паутину лжи? Ты не смог заполучить меня и в итоге решил разрушить все до основания. И после этого ты называешь свой конец случайностью?"

Сдерживая рвущиеся наружу чувства, он ответил с безупречным спокойствием:

— Судьбы смертных и причины их кончины записаны в Книге Жизни и Смерти. Однако этот фолиант находится в ведении Судьи. Если желаешь узнать правду — обратись к нему.

Люцзин растерялся. Попасть в Терем Лунного Сияния было чистой случайностью. Фэнду огромен, а как выглядит Судья загробного мира, он не имел ни малейшего представления. Разве отыщешь его в одиночку?

Поразмыслив, он поднялся со своего места, отодвинул каменный табурет и почтительно склонился перед хозяином дома в глубоком поклоне:

— Владыка, проявите милосердие! Позвольте смиренно просить вас призвать Судью сюда, дабы я мог расспросить его лично.

"Милосердие?"

Яньгу холодно и едва заметно усмехнулся.

Люцзин уловил это странное движение, но не посмел поднять головы, ожидая вердикта.

— Ты опоздал, — бесстрастно произнес Яньгу. — Лишь недавно Судья переступил через Мост Беспомощности и отправился в мир живых для прохождения земного воплощения.

Люцзин замер, лишившись дара речи.

Неужели злой рок преследует не только живых людей, но и несчастных призраков, лишая их последнего шанса на спасение?

<http://bllate.org/book/18339/1768252>